

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Ф. Петренко

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Статья посвящена ментальным установкам, имплицитным моделям, базовым метафорам, которые задают специфику парадигмы той или иной психологической теории. Автор описывает социальный климат и духовные ценности, в атмосфере которых создавались психологические теории.

Ключевые слова: имплицитные модели, базовые метафоры, психосемантика, психологические теории.

The article is devoted to the mental attitude, implicit models and basic metaphors, which make specifics of a paradigm in any psychological theory. The author describes the social climate and moral values within that the psychological theories had been created.

Key words: implicit models, basic metaphors, psychosemantics, psychological theories.

За наличием многочисленных школ в психологии стоит гораздо меньшее число базовых метафор, имеющих, как правило, характер визуального образа или образа действия и задающих тот смысловой корень, из которого произрастают психологические теории. Поясним на примере. А.А. Богданов (1989) в фундаментальной монографии «Тектология: Всеобщая организационная наука», которая многими учеными рассматривается как предвестница кибернетики, предвосхитившая ряд положений «Теории систем» Л. Берталанфи (1969), показывает, что «основной метафорой» (в терминах Богданова) в познании мира в первобытном обществе были племенные отношения внутри самого этого общества как материал, наиболее близкий и освоенный людьми.

Петренко Виктор Федорович — член-корр. РАН, докт. психол. наук, профессор, зав. лабораторией психологии общения и психосемантики ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* victor-petrenko@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 11-06-12023-офи-м 2011 и № 11-06-00196а).

«Общенародный язык во всей широте сохраняет основную метафору. В нем суждения или “предложения”, относящиеся к человеческим и социальным активностям, организуются совершенно одинаково с теми, которые относятся к активностям стихийным; например, подлежащим может являться предмет живой или неодушевленный, конкретный или отвлеченный, символ тела или процесса, или действия; один и тот же глагол, одно и то же прилагательное может выступать как сказуемое при всех этих разнородных подлежащих, т.е. как их прямая характеристика. Соответственно расчленению семьи, этой до сих пор основной социальной ячейки, все компоненты внешней природы, все абстракции идеального мира в большинстве языков разделяются на мужчин, женщин и сексуально не оформившихся детей, ибо никакого иного смысла не имеет деление существительных на роды: мужской, женский и средний. Этот своеобразный монизм легко проследить по всей линии грамматики» (Богданов, 1989, с. 46).

Русский язык несет в своей грамматике и синтаксисе огромный пласт архаичного мышления и миропонимания. В свое время мы (Ермолаев, Петренко, 1976) ввели понятие «псевдодействие» для обозначения присущего русскому языку феномена описания предметной ситуации по аналогии с человеческим действием. Рассмотрим, например, предложение «книга лежит на столе». Мало того, что в ситуации пространственного взаимоотношения двух объектов меньшему по размеру (книге) приписывается роль подлежащего, т.е. субъекта, который совершает антропоморфное действие (разлеглась, понимаешь!). Этому субъекту (книге) приписывается еще и половая принадлежность (книга — она) при полном отсутствии каких-либо половых признаков. Описание окружающей реальности через ее антропоморфизацию, т.е. наделение природных процессов человекоморфными свойствами и использование в качестве модели собственных действий в мире, и составляет первейшую базовую метафору житейской психологии. Древний человек по аналогии с самим собой одушевлял природу, приписывая природным процессам субъектность. Сравним предложения: «Я иду домой» и «Идет дождь»; «Ветер качает деревья», «Мать качает люльку с ребенком»; «Анастасия выглянула из-за плетня» и «Солнце выглянуло из-за туч». В этих предложениях как человек, так и разного рода природные процессы и стихии выступают в роли подлежащего, обозначающего активный агент действия. Отметим, что для снятия этого архаического, уходящего в седую древность феномена антропоморфизации неживой природы, присущего нашему языку в падежной грамматике Ч. Филмора (1981), вводится глубинный уровень смысловых ролей («семантических падежей»), соответствующий современным представлениям о человеческой деятельности и природных процессах. Так, в падежной грамматике Ч. Филмор ввел семантические роли *агента* — некоего субъекта деятельности, которым может быть

только живое существо. Например, в предложении «Собака укусила прохожего» в роли агента выступает собака, а прохожий — в роли объекта воздействия (а не субъекта), так как он не обладал никаким намерением быть укушенным. В предложении «Музыка взволновала меня» «я» является не активным агентом, а скорее существом страдательным, и «мне» отводится роль пациенса. В предложении «Я влюбился» «я» тоже не является активным субъектом, поскольку нечто произошло со мной, возможно, и помимо моей воли. Хотя на поверхностном грамматическом уровне в первом примере слово «музыка» занимает место подлежащего, на глубинном семантическом уровне она играет роль «инструмента воздействия» или «средства». Аналогично тому, как в предложении «Я иду пешком» (т.е. ногами) ноги выполняют роль «средства-инструмента». Проблему выделения «смыслового подлежащего», отличного от грамматического, ставил еще Л.С. Выготский в книге «Мышление и речь» (Выготский, 1934).

Процесс метафоризации заключается в мышлении по аналогии, когда характеристика одного более или менее известного объекта (события, процесса, состояния) переносится на другой объект, сходный с первым по перцептивному образу, функциональному значению или эмоциональному тону (коннотации), и первый выступает моделью второго, позволяя извлекать из этой аналогии дополнительную информацию. С помощью метафоры человечество осваивает новые, неисследованные области познания, бросая на зыбкую почву незнаемого представления и понятия освоенного мира. Одна из самых продвинутых наук, физика, просто пестрит «стершимися метафорами»: «поле», «напряжение», «сила» — в классической физике; «теория струн», «аромат частиц» — в атомной физике; «черные дыры», «червоточины», «кротовые ходы» и т.п. — в космологии. В психологии также можно встретить слова и выражения, почерпнутые из непсихологических наук. Это могут быть заимствования из математики, физики, геологии: «сфера», «механизм», «слои», «глубины» и др. (Болдырева, Климов, 2008). Психологические теории базируются на широко понимаемой метафоре, будь то разновидность тропа (метафора, метамония, гипербола, оксюморон, литота, олицетворение и т.п. (см.: Петренко, Коротченко, 2008), или притча (как «Эдипов комплекс» — см. Фрейд, 1989), или даже некий феномен, выступающий ярким примером «прототипа» (в терминах Э. Рош. См.: Вежбицкая, 1996) целой содержательной области (например, «фи-феномен» для гештальтпсихологии или «Павловский слюнной рефлекс» для бихевиоризма). Психологические теории можно дифференцировать по тому, какие базовые метафоры использовались при их построении. Причем эти метафоры иногда помогают освоению новых областей науки, а иногда тормозят, ограничивают движение

вперед. Так, например, «теория отражения» (часто с дополнением «ленинская»), выступавшая официальной методологией советской науки, базировалась на метафоре «зеркала», отражающего объективную реальность (на Западе ее философским аналогом выступает теория «когерентной истины» — см.: Касавин, 2001). Сыграв положительную роль в психологической науке при изучении процессов восприятия, отчасти памяти, эта метафора оказалась неадекватной по отношению к процессам творчества, фантазии, мышления. Как можно отражать то, чего еще нет, что находится в процессе творческой эволюции?

«Компьютерная метафора» в когнитивной психологии, базирующаяся на аналогии работы человеческого мозга и компьютерного процессора, конечно, тоже имеет существенные ограничения. Так, например, «искусственный интеллект» ограничен невозможностью создания «искусственных эмоций», в то время как их естественные аналоги играют ведущую роль в процессах мышления, задавая взаимодействие аффекта и интеллекта. С позиции базовой метафоры «компьютер с интернетом» может быть рассмотрена и набирающая силу трансперсональная психология, где метафора, с моей точки зрения, может быть дополнена образом «квантового компьютера с космическим интернетом». Трансперсональная психология интересуется в первую очередь психологическими феноменами, выходящим за рамки индивидуального бытия (психопрактиками, трансовыми состояниями, переживанием пиковых состояний, религиозным опытом и т.п.). Метафора «компьютер с интернетом» как нельзя лучше подходит к человечеству как не слишком продвинутому пользователю, открывающему в семантическом пространстве интегрального космического сознания неведомые области.

Различные базовые метафоры как базовые модели мира включают в себя аксиологические основания, а также этические следствия, вытекающие из той или иной модели мира, других людей, самого себя. О роли ценностей, имплицитно определяющих развитие науки и техники, писали И.Т. Фролов (2008) и В.С. Степин (2000). Ценностно-аксиологический компонент в науке, особенно зримо выступающий в гуманитарном познании, рельефно проявляет себя и в развитии психологической науки, выражаясь, в частности, в тех базовых метафорах, которые лежат в основании того или иного методологического подхода или научной парадигмы (в терминах Куна). Так, В.В. Козлов (2007) выделяет семь волн в психологии, связанных со сменой социального бытия людей, хотя его типология этапов развития психологии явно не является полной и в ней доминирует психотерапевтический акцент. Из нее выпали гештальтпсихология, когнитивная психология (Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Дж. Келли, К. Прибрам), культурно-историческая психологии и теория деятельности

(Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин). Да и вряд ли психологические школы можно расположить в линейном порядке следующих друг за другом волн. Некоторые школы существовали параллельно друг другу во времени, да и зоны их интересов, как правило, не совпадали. Но в типологии В.В. Козлова присутствует важная идея взаимосвязи времени появления той или иной психологической школы с социальным запросом, с состоянием общественно-политического климата, в рамках и во взаимодействии с которым и формируется новая психологическая парадигма. Далее рассмотрим базовые метафоры физиологической психологии, психоанализа и ряда других психологических теорий.

Физиологическая психология

Если отвлечься от истории работы с сознанием и его измененными формами, идущей из глубин ведической культуры, йоги, дельфийских оракулов, от практик медитации на Йидам (божественную сущность) в тантрическом буддизме или от православного исихазма, использующего для достижения измененного состояния сознания Иисусову молитву, от суффийских трансовых танцев (типа зикра) и т.п. и считать основателем психологии В. Вундта, то начало «научной» психологии заложено в физиологической психологии, идентифицирующей психику человека с его организмом. «Можно с уверенностью утверждать, что первые эксперименты в психологии были больше психофизическими, чем психологическими... И первым предметом психологии является психофизиология органов чувств, ощущений и восприятий. Первые эксперименты с данным предметом (Г.Т. Фехнер) посвящены измерениям ощущений в зависимости от величин физических раздражителей, порогов восприятия и построения психофизических шкал» (Козлов, 2007, с. 28). Базовой метафорой физиологической психологии, как и последовавшего за ней бихевиоризма, мог бы быть образ человека как музыкального инструмента, на котором играет природа. Эти представления, идущие от эпохи французского Просвещения и немецкой философии рационализма, связаны с дехристианизацией Европы в лице ее просвещенной части. «Бог умер», — провозгласил Ницше, и вновь рождающаяся наука психология отказалась от представлений о человеке как образе Божием, от понятия души и других сопутствующих понятий, таких как «творчество», «долг», «честь», «вина», «спасение», «сострадание». Человека свели к его биологическому механизму — организму. «Именно физиологическая психология стала краеугольным камнем материалистически ориентированной советской психологии, которая, опираясь на концепцию свойств нервной системы, берущую свое начало от работ И.П. Павлова о

типах высшей нервной деятельности, разработала целостную универсальную модель психологической науки (Козлов, 2007, с. 29). И если в физиологической психологии еще сохранились идущие от философии понятие «сознание» и метод интроспекции, то в развившемся на ее основе бихевиоризме и эти атавизмы философии были элиминированы. «Стимул—реакция» — предельно простая формула бихевиоризма, сводящая человека к автомату. Человеком правит внешний стимул. И последующее введение в необихевиоризме «промежуточной переменной» принципиально ничего не меняет в этой парадигме внешнего детерминизма. «Становление бихевиоризма совпало с быстрым развитием промышленности, усложнением управленческих, образовательных систем в США. Практическое приложение этой теории — введение конвейеров, развитие рекламы, программированного обучения и т.п.» (там же, с. 31), т.е. таких социальных практик, которые базируются на жестко механистической активности или имеют манипуляторский характер управления человеком. Сведение человека к механизму — общий грех менталитета и идеологии 1920-х гг., проявившийся и в искусстве (в частности, в поэзии футуризма), воспевающем машинный мир, лишенный человеческого сострадания, и в политике, ориентированной на однородные, утратившие индивидуальность массы: «Бьют барабаны, шагают бараны, кожу на барабаны дают сами бараны» (Б. Брехт). В предвоенные годы грех деперсонализации был присущ ментальному и идеологическому климату как в странах с явно тоталитарной идеологией (Германия, Италия, Япония, СССР), так и в значительном большинстве стран Европы, Северной и Южной Америки. Дехристианизация Европы, России и Америки проявилась и в дегуманизации образа человека, что зафиксировалось и в науке психологии. Во многом кармической расплатой за этот грех дегуманизации стали две мировые войны.

Психоанализ

Психоанализ, развивавшийся параллельно бихевиоризму, значительно усложнил образ человека, присовокупив к его рациональному Эго огромный пласт как индивидуального (З. Фрейд), так и коллективного (К. Юнг) бессознательного. «Психоанализ привнес новые субъект-субъектные диалогические отношения личности в отличие от субъект-объектного медико-биологического отношения в физиологической психологии. В психоанализе мы уже видим “живого другого”, партнера по взаимодействию, который имеет свой голос и свободен в решении, выборе — вплоть до принятия или непринятия психотерапевтической аналитической игры» (Козлов, 2007, с. 30). Базовой метафорой психоанализа может считаться мифологема «Эдипова комплекса», выступающего, по Фрейду, усло-

вием формирования личностной идентичности и запуска процесса социализации, выражающегося в идентификации с образом отца и в стремлении занять его место на ложе с матерью. (Напомним, что в основе мифа о царе Эдипе лежит сексуальное влечение к собственной матери и убийство отца как соперника.) Другой базовой метафорой психоанализа мог бы служить образ парового котла, снабженного золотником как регулятором давления внутри котла. При повышении давления выше нормы клапан золотника приподнимается, позволяя пару выйти наружу. С позиции кибернетики пример парового котла, снабженного клапаном для сброса избыточного давления, являет собой простейшее гомеостатическое устройство с обратной отрицательной связью, позволяющее поддерживать внутри себя динамическое равновесие. Данная метафора пронизывает ранние работы З. Фрейда, в которых мотивом свершения действия выступала потребность в динамическом равновесии организма со средой. Однако в более поздних работах («По ту сторону принципа удовольствия») Фрейд отказывается от гомеостатической модели и на основе феноменологии травматических неврозов, имеющих неадаптивный характер, постулирует «принцип Танатоса» — влечение к саморазрушению и смерти, являющийся антиподом «принципа Эроса» — влечения к удовольствию. Классический психоанализ Фрейда хорошо описывает «человека из подполья», находящегося наедине со своими внутренними конфликтами, сексуально закомплексованного, невротичного, истеричного, но он не затрагивает проблем социального взаимодействия и духовного развития личности, богоискательства и осознания себя в контексте трансцендентального. Эта тематика развивалась уже в неофрейдизме трудами К. Юнга, А. Адлера, Э. Фрома, подготавливая почву для появления гуманистической и трансперсональной психологии (см.: Турецкий, 2006, 2007, 2009).

Гештальтпсихология, когнитивная психология

Базовой метафорой *гештальтпсихологии* (К. фон Эренфельс, М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Кёлер, К. Дункер), изучавшей процессы восприятия и мышления, может выступать феномен Ф-движения, демонстрирующий несводимость целостного образа к сумме отдельных ощущений. Суть его в следующем. Если последовательно зажигать отдельные точечные источники света, расположенные в некоторой последовательности в пространстве, то при определенных соотношениях яркости этих источников, расстояний между ними и временном интервале между вспышками возникает иллюзия непрерывно движущейся световой полосы («бегущей волны»), визуально неразложимой на отдельные ощущения. Идея неразложимости целостных психических структур на отдельные элементы была

реализована в разработках когнитивной психологии, возникшей в 1960-х гг.

Базовой метафорой *когнитивной психологии* (Дж. Миллер, Г. Саймон, А. Ньюэлл, Дж. Брунер, К. Прибрам, Р. Солсо, Дж. Сперлинг, Б.М. Величковский) является компьютерная метафора, рассматривающая работу мозга человека по аналогии с работой компьютерного процессора. «Согласно этой модели, люди подобно компьютерам кодируют символьные входные данные (Input), перекодируют их, принимают решения в их отношении, хранят какую-то их часть в памяти и, наконец, декодируют и выдают символьные выходные данные (output). ...В этом диалектическом танце ума и машины компьютер предстает в качестве интригующей метафоры человеческого разума» (Фрейджер, Фейдимен, 2008, с. 324—326).

Одним из интересных направлений когнитивной психологии является разработка голографической модели психических процессов. *Голографическая метафора* памяти (более широко — психики) человека восходит к работам К. Прибрама. Помогая в систематизации результатов исследований известного нейропсихолога К. Лешли по резекции части мозга у животных, К. Прибрам пришел к заключению, что память и сформированные навыки у прооперированных животных сохраняются и при удалении обширных зон мозга, т.е. сформированные навыки не локализованы в каких-то конкретных областях мозга, а распределены по всему его объему. Опираясь на работы физика Бома (см.: Талбот, 2008), Прибрам использовал феномен голограммы как метафору функционирования памяти. Суть физической голограммы заключается в фиксации на материальном носителе (например, на фотопленке) результатов интерференции двух электромагнитных волн, исходящих из когерентных источников. Один из источников является отражением некоего объекта и при интерференции его и второго источника возникает интерференционная картина в виде темных и светлых колец, фиксирующих наложение двух волн. Если освещать голограмму с помощью луча лазера, то возникает объемное изображение «сфотографированного» в голограмме объекта. Интересная особенность голографической матрицы в том, что отрезанный от нее кусок любой величины будет сохранять все целое изображение, только оно будет менее четким. Идею сохранности в памяти всего пережитого человеком выражали и экспериментально подтверждали: на нейропсихологическом материале — А.Р. Лурия, на материале визуальной памяти — Б.М. Величковский, в гипнотических опытах — В.В. Кучеренко. Эта идея целостности и сохранности всего пережитого опыта, как отдельного человека, так и человечества, органично входит в формирующееся мировоззрение современной трансперсональной и интегративной психологии.

Культурно-историческая психология и теория деятельности

Культурно-историческая психология имеет долгую историю (с 1920-х гг. по наст. время) и претерпела определенную трансформацию в своих методических основах. Л.С. Выготский (1983) выдвинул базовые положения культурно-исторической психологии, а именно: 1) Высшие психические процессы (у Выготского функции) возникают при интериоризации общественного опыта (культуры). 2) Процесс интериоризации происходит в ходе социального взаимодействия (ребенок—взрослый, учитель—ученик) и может быть выражен формой «из интер в интра». 3) Высшие психические процессы (сознание, мышление, память, внимание и т.п.) являются знаково опосредованными: знаки выступают психическим орудиями, с помощью которых человек управляет процессами собственной психики, тем самым делая их произвольными и осознанными.

Одно из направлений культурно-исторической психологии заключалось в непосредственном сопоставлении психических процессов у представителей различных культур, находящихся на разном уровне цивилизационного развития. Так, люди, получившие школьное образование, отличаются в своем сознании и мышлении от людей, живущих в традиционном (архаичном) обществе и соответственно не получивших систематического образования.

Эпиграфом культурно-исторической психологии могло бы стать известное выражение А.Р. Лурия «у узбеков нет иллюзий», присланное (по легенде) телеграммой Л.С. Выготскому, по поводу отсутствия визуальных иллюзий у людей, не обучавшихся в школе и соответственно не знакомых с перспективой в живописи. Исследования А.Р. Лурия, проведенные в Узбекистане, выявили у людей с традиционалистским менталитетом интересный феномен неспособности к решению силлогизмов и выведению логических следствий исходя из их содержания. На основе этих экспериментов А.Р. Лурия предположил, что у представителей традиционных культур отсутствует рефлексия. Однако казахский психолог М.М. Муқанов (1980) на материале национального фольклора убедительно показал, что пословицы, поговорки, айтесы (юридические прецеденты традиционного права) выполняют ту же функцию рефлексии мышления, что и европейская (идущая от Аристотеля) логика. Тем не менее налицо различие в культурно-исторических средствах-орудиях опосредствования в процессах сознания и мышления, а также форм и уровней обобщения, на которых осуществляются высшие психические процессы у представителей различных культур, что свидетельствует в пользу подтверждения культурно-исторической теории.

Теория деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, А.В. Брушлинский,

О.К. Тихомиров, Н.Ф. Талызина, В.П. Зинченко, К.А. Абульханова-Славская, Ю.Б. Гиппенрейтер и др.) не представила базовой метафоры своего подхода, но неким его прототипом подхода (или, как любил выражаться А.Н. Леонтьев, экспериментом «крюцис») могло бы выступить его исследование возникновения кожной светочувствительности, в рамках которого высвечиваются все базовые принципы, идущие от культурно-исторического подхода Л.С. Выготского. Напомним содержание этого эксперимента. Леонтьев (1965) проецировал на участок ладони испытуемого поток света, который испытываемый, помещавший кисть руки в экспериментальный аппарат, видеть не мог. Благодаря наличию фильтров он не мог и чувствовать тепло этого светового потока. Непосредственно после светового воздействия испытуемого подвергали удару электрическим током. Удара можно было избежать, вовремя отдернув руку. Согласно теории классического условного рефлекса, при многократном сочетании светового ощущения и удара тока должен был бы сформироваться условный рефлекс отдергивания руки в нужный момент. Но этого не происходило. И требовалась инструкция испытуемому, исходящая от экспериментатора (вспомним принцип «из интер в интра» Л.С. Выготского), что, ощутив нечто (участники опытов описывали ощущение светового потока как прикосновение, например, крыла бабочки и т.п.), он может избежать удара тока, отдернув руку. Пафос исследований А.Н. Леонтьева состоял в том, что для формирования условного рефлекса (а большинство физиологов в 1950-х гг. пытались свести психику к высшей нервной деятельности) необходима представленность субъекту воспринимаемого объекта (в нашем случае потока света). Без этой субъективной представленности, т.е. работы психики, условный рефлекс не возникает. В противовес физиологам А.Н. Леонтьев показал, что психика не эпифеномен, сопровождающий (как тень) физиологические процессы, а необходимый и весьма существенный компонент физиологии активности. Другой принципиальный момент, получивший развитие в теории деятельности, связан с собственной активностью познающего субъекта (испытуемого). Ощущение возникает тогда и только тогда, когда абиотический, т.е. биологически незначимый стимул (поток света), несет сигнальную функцию о биологически значимом (ударе электротоком). В эксперименте Леонтьева поток света выполняет функцию своеобразного знака, несущего информацию о биологически значимом стимуле. Таким образом, мы можем наблюдать эмпирическое подтверждение идеи Л.С. Выготского о знаковом опосредовании произвольных психических процессов. Как видим, эксперимент с кожной чувствительностью вобрал в себя основные положения культурно-исторического подхода и в силу этого может выступать своеобразной метафорой всего деятельностного подхода

в психологии, являющегося логическим продолжением культурно-исторической психологии.

Относительно аксиологических, ценностно-мотивационных аспектов теории деятельности в психологии стоит отметить, что за длительный срок ее существования произошли существенные изменения. Отечественная психология прошла путь от революционных лозунгов о необходимости создания марксистской психологии и формирования «нового человека» (эдакого нового советского Адама, если использовать библейский язык), через годы сталинского террора, когда психология была фактически упразднена, а массы психологов репрессированы (по легенде, Сталину принадлежат слова: «Психология военному не нужна, ему требуется дисциплина»), до интенсивного развития собственной научной парадигмы во второй половине XX в. Кардинальные изменения российской государственности в политике, экономике, идеологии не могли не отразиться на методологии и ценностных основаниях отечественной психологии и ее культурно-исторической, деятельностной парадигмы.

Значительное влияние на современное состояние деятельностного подхода в психологии оказывают философские принципы постнекласического мышления и рационализма (Касавин, 1999; Лекторский, 2001; Микешина, 2005; Степин, 2000). Современное развитие культурно-исторической психологии и психологической теории деятельности характеризуется методологическим плюрализмом и широкой интеграцией с другими гуманитарными и естественнонаучными подходами и парадигмами (см.: Асмолов, 2002; Гусельцева, 2007; Зинченко, 2010; Корнилова, Смирнов, 2007; Леонтьев, 2007; Петренко, 2010; Петровский, 2010; Талызина, 2007; Умрихин, 2007).

Гуманистическая и трансперсональная психология

1950—1960-е гг. — время становления американской, а затем и европейской контркультур, поиск новых смыслов бытия для единичного человека, новых путей развития цивилизации для общества. Обостренная после Второй мировой войны жажда жизни породила сексуальную революцию, раскрепощение в эмоциональной сфере, революцию в музыке как наиболее интимной сфере выражения бессознательного. Лозунгом нового поколения стал слоган «*Make love. Not War*». «По Америке прокатилась очередная коммуитарная волна, на гребне которой создаются духовные коммун, происходят масштабные эксперименты с новыми стилями жизни и поиски новой общности людей, пытающихся прорваться через ограничивающие стереотипы (Козлов, Майков, 2007, с. 176).

Окончание войны ознаменовалось распадом колониальной системы и открытием молодыми американцами Востока, духовного опыта Индии. На создателей трансперсональной психологии (Гроф,

2004; Кришнер и др., 2011; Маслоу, 1999; Мерфи, 2010; Минделл, 2006; Тарт, 2000; Уилбер, 2002; Уолш, 2004; Фрейджер, Фейдимен, 2008; Хант, 2004) оказало огромное влияние знакомство с философией и религией буддизма, индуизма. Многие из них получали духовный опыт и осваивали психопрактики измененных состояний сознания непосредственно в ашрамах Индии. Взаимопроникновение национальных культур, глобализация человеческого духа, распространение психологических практик и психотерапии, подготовленное успехами гуманистической и экзистенциальной психологии, создало почву для появления трансперсональной психологии — области психологии, выходящей за рамки как индивидуального бытия человека, так и социума в допущении существования некой трансцендентальной реальности, доступной только «пробужденному сознанию».

«Трансперсональная психология изучает сознание в широком спектре его проявлений, таких как необычные состояния сознания, духовный кризис, околосхологические смертные переживания, развитие интуиции, творчества, высшие состояния сознания, личностные ресурсы, парапсихологические феномены и т.д. Она опирается на целостное видение человека в перспективе его духовного роста, классическую и неклассическую философскую антропологию, мировые духовные традиции, разнообразные способы самопознания и психотерапии, такие, как медитация, холотропное дыхание, телесно-ориентированная психотерапия, терапия искусством, работа со сновидениями, активное воображение, самогипноз» (Козлов, Майков, 2007, с. 188).

Трансперсональная психология, таким образом, значительно расширила область изучения психологической реальности, направив внимание на феноменологию, выходящую за рамки личностного или социального бытия. Если для прояснения обсуждаемого состояния дел прибегнуть к притче или анекдоту, то можно сказать, что академическая психология со своим логическим и высоконаучным инструментарием ищет истину «там, где светло», где имеются выверенные методы и определен объект исследования, но в своей академичности игнорирует многие экзистенциальные проблемы бытия человека, не зная, как к ним подступиться, то трансперсональная психология «ищет черную кошку в темной комнате, которой там может и не быть вовсе».

Трансперсональная психология ассоциируется с путешествием в неведомое, но в отличие от времени великих географических открытий путешествие осуществляется внутрь собственного сознания, в глубины бессознательного или же в высокие сферы трансцендентального (при всей многозначности и многоплановости этого понятия). В рамках классической науки принято давать объяснения

исходя из наличного состояния знания, предполагая его полноту и способность выстроить целостную и законченную теорию, которая будет трансформирована или отвергнута только на новом витке познания. В каждый исторический момент классическая наука знает «все» и должна дать объяснение любым проявлениям бытия. Можно вспомнить трагикомичные увещания маститых физиков конца XIX в., обращенные к молодой поросли ученых, о том, что «в физике все уже открыто» и им придется только уточнять энные величины после запятой для мировых констант.

Методология постнеклассической рациональности (Степин, 2000) позволяет существование некоторого люфта «незнаемого», наличия понятий, имеющих не научный, а метафорический или мифологический характер. Так, например, в переживаниях людьми «многообразия религиозного опыта» (Джеймс, 1993), «пиковых состояний» (Маслоу, 1997), «выхода в трансцендентальное» (Козлов, Майков, 2007), воздействия «духов местности» в шаманских камланиях в трансперсональной психологии остается не определенным, *кто* или *что* является источником трансляции человеку (по «интернету», встроенному в его сознание или бессознательное) образов, выходящих за границы мира сего. В практике трансперсональной психологии допускается использование четко не определенных, не операционализованных понятий, взятых из религии, мифологии и являющихся метафорами или житейскими представлениями. За счет метафоричности, образности и эмоциональной насыщенности языка описания, а также за счет утраты четкости и однозначности используемых понятий трансперсональная психология может говорить о реальности, лежащей за порогом научной рациональности, но значимой для экзистенциального бытия человека (проблемы жизни, смерти, творчества, сохранения идентичности, сопереживания, эмпатии, интеграции с миром, трансцендирования и выхода за рамки индивидуального бытия).

Если для когнитивной психологии базовой является «компьютерная» метафора, рассматривающая мозг человека по аналогии с процессором компьютера, то базовой метафорой трансперсональной психологии мог бы стать существующий пока как идея квантовый компьютер с сетевым интернетом. Понятие «квантовый компьютер» являет собой некий принцип, идею, не имеющую на данный момент времени физического воплощения. Он аналогичен, например, «машине Тьюринга» — гипотетической виртуальной модели, сыгравший, тем не менее, важнейшую роль в развитии компьютерной техники. Идея квантового компьютера базируется на феномене «квантового сцепления» Эйнштейна—Подольского—Розена (спутанности, «перепутанности» в разных вариантах перевода термина “*entanglement*”). Феномен квантового сцепления был первоначально

сформулирован в противовес теоретической позиции Нильса Бора как парадокс, как то, «чего не может быть». Суть его в том, что если частица и античастица имеют общий источник в их генезисе, то при определении какого-либо параметра одной частицы (например, ее спина, который, согласно принципу Гейзенберга (1953), не существует до момента самого измерения, но присутствует как потенциальная возможность находиться в том или ином состоянии), то ее связанный парный элемент одновременно обретает противоположную первой характеристику, как бы далеко друг от друга эти частицы ни находились. То есть нарушается «принцип локальности» как независимости процессов, происходящих в разных концах Вселенной. Феномен квантового сцепления был экспериментально подтвержден в экспериментах Аспекта (см.: Менский, 2005, 2007), и идея целостности бытия («убери из мира песчинку и рухнет Вселенная»), присущая как древнегреческим, так и буддийским философам, обрела новое звучание в рамках квантовой физики. Буддийская теория кармы и христианское утверждение «по вере же и воздастся», вопрос Эйнштейна «Влияет на космос то, что его в данный момент созерцает мышшь?» или суждение М. Булгакова «рукописи не горят» оказываются объединенными общей базовой метафорой «нелокальности бытия». Все в мире взаимосвязано и имеет отклик: от свершенного действия или поступка до появившейся «в голове человека» мысли или порождения образа фантазии.

Вернемся, тем не менее, к модели квантового компьютера как к метафоре работы сознания в трансперсональной психологии. Принцип гипотетического квантового компьютера основан на «связности» его физических носителей, где математическое гильбертово пространство описывает бесконечное множество возможных состояний этого квантового компьютера, имеющего неисчерпаемую емкость и работающего на параллельных процессах. Так почему же гипотетический квантовый компьютер, подключенный к некоему «космическому интернету», мы рассматриваем как метафору трансперсональной психологии?

Физик А.С. Холево высказывает мнение, что элементы квантового компьютеринга присутствуют в человеческом мышлении. Вот эти феномены:

- Способность целостного восприятия информации в противоположность разложению на составляющие свойства; возможно, глаз как орган мозга способен принимать не только классические состояния входящего света, но и непосредственно квантовые состояния фотонов, чем объясняется особая мощь и пропускная способность визуальных коммуникаций и их органическая связь с распознаванием образов.

- Дополнительность между «действием» и «размышлением», аналогичная квантовой дополнительности между положением и скоростью, на которую обращал внимание еще Н. Бор (1961) в своих физико-философских

эссе. Примечательно, что при разработке концепции квантовой дополнителности Бор исходил из уже существовавшей аналогичной концепции витализма в биологии.

- Черты «сцепленности» (или «нелокальности»), когда информация, содержащаяся в объединении подсистем некоторой сложной системы, превосходит арифметическую сумму количества информации, получаемой из подсистем.

- Феномен сознания-подсознания. Трудно удержаться от такой (конечно, крайне упрощенной) аналогии: некоммутативная алгебра квантомеханических наблюдаемых, в которой в каждый момент времени «сканируется» некоторая доступная наблюдению коммуникативная (классическая) подалгебра.

- Органическое сочетание аналоговых и цифровых методов, эффективный параллелизм обработки информации

Разумеется, пишет автор, эти соображения (и другие, такие, как наличие интуиции и свободы воли) носят косвенный характер и не влекут с неизбежностью вывода о том, что в мозге человека или нервной системе других живых существ присутствуют «квантовые микрочипы» или другие квантово-физические механизмы, ответственные за неклассические вычисления и соответствующее поведение (Холево, 2011, с. 19).

Известный физик и математик Роджер Пенроуз в своей получившей мировое признание книге «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики» (Пенроуз, 2008) описывает исследования американского ученого Стюарта Хамероффа о возможности вычислений, происходящих в микротрубочках цитоскелета клетки. По мнению Р. Пенроуза, феномен сознания тесно связан с физическими процессами, происходящими на квантовом уровне и реализуемыми этими самими микротрубочками, которые на микроскопическом уровне выступают как «клеточные автоматы». Выдающийся физик Р. Фейнман в свое время доказал, что гамилтоновы «клеточные автоматы», под характеристику которых подпадают микротрубочки С. Хамероффа, могут осуществлять вычисления любой сложности (Малинецкий, 2008). Но важно подчеркнуть, что Пенроуз не сводит сознание к вычислительным процедурам, а объясняет неопределенность и спонтанность, исследовавшуюся в виде феномена инсайта в гештальтпсихологии, через редукцию волновой функции, осуществляемую микротрубочками Хамероффа. Будущее науки покажет верность или ошибочность поиска физических коррелятов сознания в функционировании клеточных цитоскелетов. Вполне возможно, что представлениям Хамероффа и Пенроуза уготована судьба «животных духов» Рене Декарта (бегавших по полым нервам и осуществлявших передачу команд от мозга к эфферентным органам) и они останутся в истории науки о сознании как пример мифотворчества. Но в любом случае, как модель Декарта задала правильную научную парадигму, где современная наука только заменила «животных духов» на электрические импульсы-спайки, так и соображения Пенроуза о квантовой природе физических коррелятов сознания и фено-

мене редукции волновой функции как механизме спонтанности и произвольности, останутся базовой парадигмой представлений о физических основаниях механизма сознания.

Остановимся на втором компоненте нашей метафоры трансперсональной психологии «квантовый компьютер с космическим интернетом». Откуда приходят к нам вещие сны, творческие интуиции, пророчества? Для религиозного человека такой вопрос вряд ли актуален. Но образ ветхозаветного Бога, «нашептывающего» нам креативные откровения, вряд ли устроит мировоззрение ученого. От Большого взрыва — момента образования нашей Вселенной — до дня сегодняшнего, по мнению современных астрофизиков, прошло не менее 14 миллиардов лет. Земля как космический объект существует не менее 5—6 миллиардов лет, а жизнь на земле возникла 3—4 миллиарда лет назад. Если перефразировать слова Шарля де Костера, можно сказать: «Пепел потухших звезд стучит в нашем сердце». Действительно, тяжелые элементы периодической таблицы (например, металлы) возникают только при коллапсе (взрыве) сверхновых звезд, когда, выгорая, они сокращаются до гораздо меньших объемов, тем самым создавая чудовищную температуру и давление. Солнечная система вобрала в себя в себя пепел этих погасших первичных звезд, а в нашем организме содержится, в частности, железо как компонент гемоглобина. Мы дети космоса и наша эволюция — звено в «Глобальной Эволюции» (или Big History. См.: Назаретян, 2004). При этом, согласно вертикали Снукса—Панова (см.: Панов, 2008), показавших экспоненциальный характер динамики земной эволюции (на геофизическом, биологическом и социальном материале), в настоящее время наша цивилизация подошла к моменту исторической сингулярности — к своеобразной точке «бифуркации», когда она либо исчезнет, либо примет иную форму. Величественное молчание Космоса, по-видимому, может объясняться обеими возможностями. Дойдя до определенного уровня развития, цивилизация либо уничтожает себя, например захлебнувшись в отходах собственного производства, либо переходит в какую-то иную, возможно, нематериальную форму. Еще великий космический мыслитель К.Э. Циолковский предположил, что человечество перейдет в будущем в форму лучистой энергии. Интеграция космических цивилизаций, превзошедших материальный уровень, образует «Космическое сознание», или «Интегральный разум». В этом плане контакт с космическими братьями по разуму следует искать не в проявлениях артефактов материальной культуры, а скорее в медитативных практиках нашего сознания, в глубинах нашего собственно бессознательного. Эти мысли я и выразил в метафоре «квантового компьютера с космическим интернетом» как базовой метафоры в развитии психологической науки будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асмолов А.Г. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. [Asmolov A.G. (2002). Po tu storonu soznaniya. Metodologicheskie problemy neklassicheskoy psilogii. Moskva: Smysl]

Берталанфи Л. фон. Общая теория систем. Критический обзор. Исследования по общей теории систем: Сб. переводов / Общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. [Bertalanfi L. fon. (1969). Obshchaya teoriya sistem. Kriticheskiy obzor. Issledovaniya po obshchey teorii sistem: Sb. perevodov / Ob. red. Sadovskogo V.N., Yudina E.G. Moskva: Progress]

Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М.: Экономика, 1989. [Bogdanov A.A. (1989). Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka: V 2 kn. Moskva: Ekonomika]

Болдырева С.К., Климов Е.А. Мысли о психике в обыденной речи. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. [Boldyreva S.K., Klimov E.A. (2008). Mysli o psihike v obydennoy rechi. Moskva: Moskovskiy psihologo-socialniy institute]

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Иностранная литература, 1961. [Bor N. (1961). Atomnaya fizika i chelovechesкое poznanie. Moskva: Inostrannaya literatura]

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. [Vezhbitskaya A. (1996). Yazyk. Kultura. Poznanie. Moskva: Russkiye slovari]

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л., 1934. [Vygotskiy L.S. (1934). Myshlenie i rech. Moskva; Leningrad]

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. [Vygotskiy L.S. (1983). Sobraniye sochineniy: V 6 t. T. 3. Moskva: Pedagogika]

Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. М.: Иностранная литература, 1953. [Geizenberg V. (1953). Filosofskie problemy atomnoy fiziki. Moskva: Inostrannaya literatura]

Гроф С. Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания. М.: АСТ, 2004. [Grof S. (2004). Kosmicheskaya igra: issledovanie rubezhey chelovecheskogo soznaniya. Moskva: AST]

Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. № 3. С. 107—119. [Guseltseva M.S. (2007). Ponyatie progressa i modeli razvitiya psihologicheskoy nauki. Metodologiya i istoriya psilogii, 3, 107—119]

Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. [James W. (1993). Mnogoobrazie religioznogo opyta. Moskva]

Ермолаев Б.А., Петренко В.Ф. К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир, 1976. С. 107—129. [Ermolaev B.A., Petrenko V.F. (1976). K voprosu o glubinyh semanticheskikh strukturah. Struktury poznavatelnoy deyatelnosti (ss. 107—129). Vladimir]

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: «Языки славянских культур», 2010. [Zinchenko V.P. (2010). Soznanie i tvorcheskiy akt. Moskva: "Yazyki slavyanskikh kultur"]

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб., 1999. [**Kasavin I.T.** (1999). *Migratsiya. Kreativnost. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii poznaniya*. Sankt-Peterburg]

Касавин И.Т. Истина // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. [**Kasavin I.T.** (2001). *Istina. Novaya filosofskaya entsiklopediya*. Moskva: Mysl]

Козлов В.В. Интегративная психология: пути духовного поиска или освящение повседневности. М.: Психотерапия, 2007. [**Kozlov V.V.** (2007). *Integrativnaya psikhologiya: puti duhovnogo poiska ili osvvyashchenie povsednevnosti*. Moskva: Psihoterapiya]

Козлов В.В., Майков В.В. Трансперсональный ролект: психология, антропология, духовные традиции. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2007. [**Kozlov V.V., Maikov V.V.** (2007). *Transpersonalniy rolekt: psikhologiya, antropologiya, duhovnye tradicii*. Yaroslavl: Izdatelstvo YarGU]

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2007. [**Kornilova T.V., Smirnov S.D.** (2007). *Metodologicheskie osnovy psikhologii*. Sankt-Peterburg: Piter]

Криппнер С., Богзаран Ф., Карвальо де А.П. Сновидения: иная реальность. М., 2011. [**Krippner S., Bogzaran F., Karvalio de A.P.** (2011). *Snovideniya: inaya realnost*. Moskva]

Лекторский В.А. Эпистемология. Классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2011. [**Lektorskiy V.A.** (2011). *Epistemologiya. Klassicheskaya i neklassicheskaya*. Moskva: URSS]

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965. [**Leontiev A.N.** (1965). *Problemy razvitiya psihiki*. Moskva]

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. [**Leontiev D.A.** (2007). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy realnosti*. 3-e izd., dop. Moskva: Smysl]

Малинецкий Г.Г. Синергетика, нелинейность и концепция Роджера Пенроуза // Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2008. [**Malinetskiy G.G.** (2008). *Sinergetika, nelineynost i kontsepciya Rodzhera Penrouza* // Penrouz R. *Noviy um korolya. O kompyuterah, myshlenii i zakonah fiziki*. Moskva]

Маслоу А. Психология бытия / Пер. с англ. О.О. Чистякова. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. [**Maslow A.** (1997). *Psikhologiya bytiya* / Per. s angl. O.O. Chistyakova. M.: Refl-buk, Vakler]

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. [**Maslow A.** (1999). *Motivatsiya i lichnost*. Sankt-Peterburg: Evraziya]

Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 4. С. 414—434. [**Menskiy M.B.** (2005). *Kontsepsiya soznaniya v kontekste kvantovoy mehaniki*. *Uspehi fizicheskikh nauk*, 175, 4, 414—434]

Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Фрязино, 2007. [**Menskiy M.B.** (2007). *Chelovek i kvantoviy mir*. Fryazino]

Мерфи М. Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. М., 2010. [Merfi M. (2010). Budushchee tela. Issledovanie dalneyshey evolyutsii cheloveka. Moskva]

Микешина Л.А. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция, МПСИ, Флинта, 2005. [Mikeshina L.A. (2005). Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kultury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya. Moskva: Progress-Traditsiya, MPSI, Flinta]

Минделл А. Тело шамана. М., 2006. [Mindell A. (2006). Telo shamana. Moskva]

Муканов М.М. Психологическое исследование рассудка в историческом аспекте: Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1980. [Mukanov M.M. (1980). Psihologicheskoe issledovanie rassudka v istoricheskom aspekte: Diss. ... dokt. psihol. nauk. Moskva]

Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика—психология—прогнозирование. М.: Мир, 2004. [Nazaretyan A.P. (2004). Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste Universalnoy istorii. Sinergetika—psihologiya—prognozirovanie. Moskva: Mir]

Панов А.Д. Единство социально-биологической эволюции и предел ее ускорения // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 1. № 2. С. 25—48. [Panov A.D. (2008). Edinstvo socialno-biologicheskoy evolyutsii i predel ee uskoreniya. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*, 1, 2, 25—48]

Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2008. [Penrouz R. (2008). Noviy um korolya. O komputerah, myshlenii i zakonah. Moskva]

Петренко В.Ф. К проблеме психологии сознания // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 47—57. [Petrenko V.F. (2010). K probleme psihologii soznaniya. *Voprosy filosofii*, 11, 47—57]

Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. Т. 5. № 4 С. 19—40. [Petrenko V.F., Korotchenko E.A. (2008). Obraznaya sfera v zhivopisi i literature. Vizualnye analogi literaturnykh tropov. *Psihologiya. Zhurnal Visshey Shkoly Ekonomiki*, 5, 4, 19—40]

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. [Petrovskiy V.A. (2010). Chelovek nad situatsiyey. Moskva: Smysl]

Степин В.С. Теоретическое знание ДОСХ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. [Stepin V.S. (2000). Teoreticheskoe znanie DOSX. Moskva: Progress-Traditsiya]

Талбот М. Голографическая модель Вселенной. Киев, 2008. [Talbot M. (2008). Golograficheskaya model Vselennoy. Kiev]

Талызина Н.Ф. Сущность деятельностного подхода в психологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 157—162. [Talyzina N.F. (2007). Sushchnost deyatelnostnogo podhoda v psihologii. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 4, 157—162]

Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М.: Эксмо, 2000. [Tart Ch. (2000). Izmenennyye sostoyaniya soznaniya. Moskva: Eksmo]

Турецкий М.И. Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии. 2006. № 2. С. 113—137. [**Turetskiy M.I.** (2006). Shlomo Zigmund Freyd. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 2, 113—137]

Турецкий М.И. Орел из пригорода (к 70-летию со дня смерти А. Адлера) // Методология и история психологии. 2007. № 2. С. 122—134. [**Turetskiy M.I.** (2007). Orel iz prigoroda (k 70-letiyu so dnya smerti A. Adlera). *Metodologiya i istoriya psihologii*, 2, 122—134]

Турецкий М.И. Строитель Боллингенской башни // Методология и история психологии. 2009. № 2. С. 108—120. [**Turetskiy M.I.** (2009). Stroitel Bollingenskoj bashni. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 2, 108—120]

Уилбер К. Око духа. Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира. М.: АСТ, 2002. [**Wilber K.** (2002). Oko duha. Integralnoe videnie dlya slegka svihnuvshegosya mira. Moskva: AST]

Умрихин В.В. Историко-методологические проблемы анализа научных школ в психологии // Методология и история психологии. 2007. № 4. С. 5—14. [**Umrihin V.V.** (2007). Istoriko-metodologicheskie problemy analiza nauchnyh shkol v psihologii. *Metodologiya i istoriya psihologii*, 4, 5—14]

Уолш Р. Основания духовности. М.: Изд-во Кравчука, 2004. [**Walsh R.** (2004). Osnovaniya duhovnosti. Moskva: Izdatelstvo Kravchuka]

Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. 1981. Вып. 10. [**Filmor Ch.** (1981). Delo o padezhe. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 10]

Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. [**Freud Z.** (1989). Vvedenie v psihoanaliz: Lektsii. Moskva]

Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты СПб., 2008. [**Freydzher R., Feydimen D.** (2008). Lichnost. Teorii, uprazhneniya, eksperimenty. Sankt-Peterburg]

Фролов И.Т. Перспективы человека “URSS”. 3-е изд. М., 2008. [**Frolov I.T.** (2008). Perspektivy cheloveka “URSS”. 3-e izd. Moskva]

Хант Г. О природе сознания. М.: Изд-во Кравчука, 2004. [**Hant G.** (2004). O prirode soznaniya. Moskva: Izdatelstvo Kravchuka]

Холево А.С. Квантовая информатика: прошлое, настоящее, будущее: Сборник научно-популярных статей — победителей конкурса РФФИ 2009 г. М., 2011. С. 10—20. [**Holevo A.S.** (2011). Kvantovaya informatika: proshloe, nastoyashchee, budushchee: Sbornik nauchno-populyarnyh statey — pobediteley konkursa RFFI 2009 g. (ss. 10—20). Moskva]

Поступила в редакцию
01.11.12